На правах рукописи

Тугаринова София Дмитриевна

ФОРМИРОВАНИЕ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ ВЫСОТНЫХ ЗДАНИЙ МОСКВЫ 1930-1950-х ГОДОВ

Специальность 17.00.04 – изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата искусствоведения

Москва – 2018

Диссертация выполнена на кафедре теории и истории искусств Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный академический художественный институт имени В.И. Сурикова при Российской академии художеств»

Научный руководитель: доктор искусствоведения
профессор кафедры теории и истории
искусств МГАХИ им. В.И. Сурикова
Заслуженный деятель искусств РФ
Почетный член Российской академии художеств
Светлов Игорь Евгеньевич

Официальные оппоненты: доктор искусствоведения
главный научный сотрудник
руководитель образовательного направления
НИИ теории и истории изобразительного искусства РАХ
Заслуженный работник культуры РФ
Астраханцева Татьяна Леонидовна

кандидат архитектуры
академик Российской академии художеств
Народный архитектор РФ
Заслуженный деятель искусств РФ
профессор
заместитель председателя
ООО «Товарищество театральных архитекторов»
Красильников Владилен Дмитриевич

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное научно-исследовательское учреждение «Государственный институт искусствознания»

Защита состоится «___» _____ 2018 года в ___ часов на заседании Диссертационного совета Д.212.152.01 на базе ФГБОУ ВО «Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова» по адресу: 125080, г. Москва, Волоколамское шоссе, дом 9.

С диссертацией можно ознакомиться на сайте http://www.mghpu.ru и в библиотеке ФГБОУ ВО «Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова» по адресу: 125080, г. Москва, Волоколамское шоссе, дом 9.

Автореферат разослан «___» _____ 2018 года.

Ученый секретарь Диссертационного совета Н. Н. Ганцева

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы исследования

Архитектурное проектирование и строительство 1930-1950-х годов в Москве в наши дни вызывает повышенный интерес у широкого круга любителей искусства. За последние годы прошли выставки, посвященные крупным советским зодчим. В залах Государственного музея архитектуры имени А. В. Щусева были организованы экспозиции: «Алексей Николаевич Душкин. Архитектура 1930-1950-х годов» (2004 г.), «Итальянский дворец Советов» (2006-2007 гг.), «Архитектор власти: к 120-летию со дня рождения Бориса Иофана» (2011-2012 гг.), «Кузница большой архитектуры. Советские конкурсы 1920-1950-х годов» (2014-2015 гг.), «Московское метро – подземный памятник архитектуры» (2016 г.). Весной 2016 года в музейно-выставочном центре «Рабочий и колхозница» была открыта постоянная экспозиция, посвященная истории проектирования и строительства павильона архитектора Б. Иофана и скульптора В. Мухиной для Всемирной выставки в Париже 1937 года.

В контексте этих выставок и вызванного ими резонанса по-новому предстали идеи пространственного развития города, более многозначно стали восприниматься некоторые архитектурные мотивы и связи отечественного зодчества с античными и ренессансными традициями и авангардной художественной практикой. Что-то не выдержало испытания временем, что-то, напротив, оказалось пророческим, интересным, оригинальным. Этот пересмотр продолжается и ныне, уточняя масштабы творческих предложений архитекторов, обнаруживая конфликт между скороспелыми начинаниями и подлинными открытиями, смысл которых рельефно обнаруживается в наши дни. Рождается понимание, что далеко не все сосредотачивается в разработках стиля, еще недавно бывших в ряде исследований основной точкой отсчета. Образ современного города, соотношение ведущих акцентов и массовой застройки, новые ракурсы понимания зонирования – все это побуждает пристально анализировать архитектурную практику и творческие замыслы 1930-1950-х годов.

Все чаще внимание сосредотачивается на поиске высотных доминант,

немало определяющих облик и композицию Москвы. Неслучайно появление известных высотных сооружений 1930-1950-х годов в современных произведениях литературы и кино. Например, в 2012 году на экраны вышел художественный фильм «Шпион», снятый по мотивам «Шпионского романа» Б. Акунина. Эта лента стала своеобразным архитектурным симулякром. Дворец Советов был показан в фильме как реально существующее сооружение. Демонстрировались на экране и высотные здания на Котельнической набережной и Московского Государственного Университета, по задумке режиссера уже построенные к июню 1941 года. Появление в фильме этих архитектурных образов вызвало заинтересованный отклик, далеко не исчерпанный влечением к ретроспекции.

Перейдем однако к архитектуре, к традициям. Высотное строительство знаменовало собою вековые этапы архитектурного развития Москвы. До сих пор воздействуют на воображение людей или сохраняются в памяти такие вертикали, как колокольня Ивана Великого, Храм Христа Спасителя, Сухарева башня, Китайгородская стена. Эти сооружения, различные по своим функциональным и стилистическим решениям, в разные эпохи определяли (а некоторые определяют и сегодня) эстетику и облик города. На рубеже XIX – XX веков образцы высотного строительства обрели новые функции, что отразилось, в частности, в выполненных в стилистике модерна многочисленных доходных домах.

Период с 1920-х по 1950-е годы стал временем зарождения тренда на массовое высотное строительство, его проектирование и активную реализацию. Это был период ярких творческих поисков, инновационных открытий архитекторов и зачастую фантастических проектов «тучерезов» и небоскребов. Несмотря на то что бóльшая часть разработок так и осталась на уровне проектов, она дала своеобразный импульс для дальнейшего развития этого направления, в том числе привела к строительству ряда высотных зданий Москвы 1940-1950-х годов.

Когда в 1918 году столицей нашей страны вновь стала Москва, закономерно возник вопрос о том, как должен выглядеть административный центр молодого

государства. 1920-1930-е годы стали пиком споров, дискуссий, обсуждений широкого круга вопросов, в том числе: сохранения или разрушения радиально-кольцевой системы магистралей Москвы, функционального зонирования городского пространства, соотнесения много- и малоэтажных строений, количественного соотношения уже существовавших сооружений и новых зданий. Встречались и спорили между собой охранительные и весьма радикальные предложения. Архитектор А. Щусев решительно выступал против массового высотного строительства, настаивая на статусе Москвы как города-музея; архитектор Н. Ладовский предлагал «разорвать» кольцевую систему магистралей в пользу параболической, настаивая при этом на сохранении исторического центра столицы. Ле Корбюзье хотел радикально решать вопрос переустройства столицы: снести здания ГУМа и Исторического музея и на их месте разбить сады. В этих напряженных противостояниях обнаруживалось и нечто ценное, открывающее путь к дальнейшим разработкам. В архитектурной практике все чаще выходило на передний план проектирование высотных зданий.

Многолетние дискуссии отчасти отразились в Генеральном плане реконструкции Москвы 1935 года. Одним из его важнейших разделов стал отказ от малоэтажного строительства (в 1-2 этажа) в пользу многоэтажного (7-14 этажей), а также утверждение принципа ансамблевой застройки. Отныне улицы, проспекты, площади должны были получить архитектурное оформление, где все элементы (будь то жилой дом или разбитый перед ним сквер с фонтанами) должны быть связаны друг с другом, что, возможно, порой прочерчивалось слишком назойливо.

Как известно, в процессе реализации Генерального плана реконструкции Москвы были уничтожены высотные доминанты, которые являлись основополагающими символами города: Храм Христа Спасителя, Сухарева башня, Китайгородская стена, Страстной монастырь. Значительная часть сооружений относилась к зданиям религиозного или общественного толка. Сегодня становится все более очевидно, какой урон был нанесен этим варварством облику города.

Вместо уничтоженного высотного силуэта Москвы предлагалось создать новые пространственно-пластические объекты. Среди них – Дворец Советов на Волхонке, Дом Наркомтяжпрома на Красной площади, Дом Радио на Миусской площади, Ленинский коммунистический вуз на Воробьевых горах, Второй дом СНК СССР в Зарядье. Были проведены конкурсы на лучшие проекты этих сооружений; в них принимали участие видные советские архитекторы – приверженцы разных стилистических направлений, а также их иностранные коллеги. Многие проектные предложения представляли собою высотные композиции, способные обогатить городское пространство.

В определенной связи с этими разработками возник замысел ансамбля высотных зданий, охватывавшего не только исторический центр, но и новые территории. Изначально задуманные как «поддерживающие» Дворец Советов, высотные здания в конечном счете стали отдельными объемно-пространственными ориентирами, по-новому определившими ансамблевую застройку Москвы.

Практическое воплощение этой идеи пришлось на первые послевоенные годы. Наряду с задачами восстановления городов зодчие не забывали о необходимости архитектурного воплощения триумфа Победы, что нашло отражение как в многочисленных проектах мемориалов и пантеонов, так и в создании пластического оформления Волго-Донского судоходного канала, а также комплекса ВДНХ. Ансамбль высотных зданий мыслился в ряду архитектурных памятников Победы.

Эти здания несли в себе черты утопического идеала и возникшего после войны настроения романтического подъема, одновременно – определенную окостенелость, свойственную позднесталинскому времени. Они сочетали в себе замковую кастовость с элементами своеобразно интерпретированной социалистической идеи. Архитектуру высотных зданий не раз и не без основания обвиняли в «фасадизации», недоработках внутренней планировки, отсутствии живой связи с окружающей застройкой.

Тем не менее нельзя не отметить их активную роль в организации

городского пространства. Высотные здания стали флагманами каждого обозначенного ими направления. Анализ строительной практики показывает, что на протяжении ряда десятилетий высотные здания Москвы остаются важными архитектурными символами и образами.

Степень разработанности темы

Высотное строительство в Москве в 1930-1950-е годы в целом и ансамбль высотных зданий 1940-1950-х годов в частности не всегда находились в фокусе внимания исследователей. Эта тема переживала волны популярности и забвения. В наше время ее исследование сохраняет свою фундаментальную ценность: ей посвящены труды крупнейших исследователей советской архитектуры – А. Иконникова, С. Хан-Магомедова, В. Хазановой, О. Швидковского, В. Хайта, А. Стригалева, М. Астафьевой-Длугач.

И ныне знатоки архитектуры все чаще проявляют интерес к этому разделу творческих поисков, прежде всего в аспекте градостроительства. Труд ряда авторов под названием «Россия высокая. История высотного строительства в России» (Екатеринбург, 2014) – первая попытка коллективно проанализировать эволюцию высотных сооружений в нашей стране за всю их историю. Существенными в книге оказались главы, в которых рассмотрено многообразие проектов, появившихся в первой половине XX века, различных по своим функциям и стилистическим решениям, – от доходных домов до архитектурных фантазий Н. Ладовского, от Башни-памятника III Интернационалу В. Татлина до проекта Дворца Советов, от архитектонов К. Малевича до ансамбля высотных зданий 1940-1950-х годов. Многопланово рассмотрено развитие идеи ансамблевости и пространственного проектирования высотных зданий в Москве. По словам исследователей, опыт войны доказал опасность сосредоточения нескольких значимых сооружений в одном районе.

Попытка создать единую картину художественной и архитектурной жизни СССР в 1930-1950-е годы предпринята на страницах сборника «Архитектура сталинской эпохи: опыт исторического осмысления» (М., 2010), выпущенного по итогам международной научной конференции «Сталинский ампир» в НИИТИАГ

РААСН в 2007 году. Особую значимость представляют публикации, в которых историки архитектуры и искусствоведы анализируют планы развития и реконструкции советских городов – от подмосковных до дальневосточных, а также то, как трансформировался принцип ансамблевой застройки в том или ином регионе до и после Великой Отечественной войны. В частности, справедливо отмечается, что после войны существенно изменилось отношение к архитектурному наследию. Теперь предполагалось, что оставшиеся памятники архитектуры будут включены в новые городские ансамбли. При этом советские города должны были обрести новые высотные сооружения в качестве основного планировочного фактора, определяющего архитектурный облик всего городского комплекса. Сочетание новых высотных зданий с объектами, воздвигнутыми ранее, должно было обусловить появление уникальных ансамблей.

В книге немецких авторов Х. Боденшатца и К. Пост «Градостроительство в тени Сталина. Мир в поисках социалистического города в СССР» (Берлин, 2003-2015) содержится ряд самостоятельных суждений о поиске нового облика городов в первые десятилетия советской власти. Основное внимание уделяется деятельности иностранных (в особенности немецких) зодчих в СССР. В 1920-е годы они привлекались для проектирования промышленных, рабочих городов. В качестве примеров приводятся генпланы населенных пунктов при автомобильном заводе в Нижнем Новгороде и при тракторном заводе в Сталинграде. Интересно, что основным пространственным ориентиром в этих планах служила большая площадь, на которой стояли рабочие клубы, дворец культуры и Дом Советов как некая доминанта. Более того, архитекторы активно использовали живописность реки как планировочный фактор. Авторы книги называют эти «индустриальные утопии» редким примером сотрудничества советских, немецких и американских мастеров.

Отдельно выделяется история проектирования и строительства нового «образцового» пролетарского города Магнитогорска. Проектные предложения по его застройке поражают разнообразием идей. Например, план бригады Э. Мая предполагал малоэтажную застройку и большое количество зеленых насаждений:

по мнению архитекторов, было уместно говорить о городе-саде. План бригады ОСА под руководство И. Леонидова, напротив, был ориентирован на высотную застройку города: в жилых кварталах должны были преобладать башенные дома повышенной этажности.

Авторы книги приводят подробный анализ градостроительных проектов и разработок как советских, так и зарубежных архитекторов, касавшихся реконструкции Москвы. Интересен проект генеральной схемы столицы Курта Мейера (1930-1931 гг.) – городского архитектора Кельна. Разрабатывая предложение по реконструкции Москвы, мастер выступал за децентрализацию города: каждый район, в котором сочетались и жилые, и рабочие зоны, имел бы свой «политический центр» со своими архитектурными ансамблями и доминантами. Но это не означало консервацию исторического центра: ядро Москвы должно было развиваться как комплекс национального значения. Этот план, по мнению авторов книги, не только оказывал влияние на ход дискуссии вокруг Генплана Москвы, но и был его «зародышем» – «Генпланом-1935 в миниатюре».

Вернемся к трудам известных советских и российских архитектуроведов, обращавшихся к проблемам градостроительства первых десятилетий советской власти. Такие ученые, как В. Хазанова, И. Казусь, М. Меерович, Е. Овсянникова, пытались проследить, как отражались искания архитекторов в разработках генпланов как новых населенных пунктов, так и уже существовавших городов; в частности, значительное место в исследованиях занимает анализ Генеральных планов реконструкции Москвы 1920-1930-х годов.

Первым этапом разработки Генплана 1923 года стала многолетняя деятельность комиссии «Новая Москва», куда входили архитекторы А. Щусев, И. Жолтовский, Н. Ладовский, К. Мельников, И. Голосов, Н. Колли и другие. Эти зодчие – адепты самых разных архитектурных тенденций и направлений – не пытались разрушить уклад города, его структуру и, в частности, памятники культуры и архитектуры. Однако эта установка вызывала возражения. Подчеркивалась крайняя неэкономичность предлагавшейся дезурбанистики:

массовое строительство вдали от исторического центра неминуемо привело бы к колоссальным расходам на коммуникации. Не менее уязвимую сторону общего замысла «Новой Москвы» видели и в отвлеченности от решения назревших проблем жилой застройки.

Предшествующие Генплану 1935 года многочисленные разработки советских и зарубежных архитекторов были посвящены широкому кругу градостроительных вопросов – строительства многоэтажных жилых и общественных сооружений, расположения промышленных объектов, озеленения и обводнения города и многому другому. Это было связано с усилением многофункциональности столицы, постепенным приобретением ею статуса мегаполиса, притоком населения.

Выбор вектора движения и развития города стал предметом столкновения взглядов. Архитекторы и общественные деятели высказывали свое мнение в прессе – «Советской архитектуре», «Строительстве Москвы», «Архитектурной газете» и других изданиях. Анализ этого информационного пласта занимает большое место в данном исследовании.

Принятый летом 1935 года Генеральный план реконструкции Москвы стал, по мнению А. Иконникова, попыткой компромисса между сохранением истории и ее сломом[1]. Позитивную оценку Генплана, игнорируя его противоречия и связанные с ним разрушения среды, дает В. Резвин. По его мнению, этот генплан сыграл огромную роль в развитии Москвы, в перепланировке и застройке основных площадей, магистралей, набережных, жилых районов, в благоустройстве и развитии транспорта[2].

Среди прочего в Генплане 1935 года особое внимание уделялось строительству Дворца Советов и окружавшей его территории, а также созданию одноименного проспекта. Конкурс на проектирование Дворца Советов стал большим событием в архитектурной и общественной жизни 1930-х годов. Количество проектных предложений, обсуждение конкурсных туров в прессе, многократное коллективное обсуждение концепции Дворца Советов на

1 Иконников А. В. Каменная летопись Москвы. М., 1978. С. 40.
2 Резвин В. А. Москва и ее главные архитекторы. От Фьораванти до Посохина. М., 2015. С. 128.

совещаниях и пленумах, активная постконкурсная разработка проекта при участии видных деятелей искусства – все это невозможно игнорировать в рамках данного исследования. Нельзя не согласиться с Н. Броновицкой в том, что масштаб Дворца Советов активно влиял на все московское градостроительство 1930-х годов[3].

Начало этой конкурсной эпопеи и последующая подготовка проекта была пространственно связана с историческим ядром столицы. Подробности выбора локации Дворца Советов привлекает современных исследователей, во многом потому что сегодня существует больше шансов найти уникальные архивные источники. Например, Д. Хмельницкий в монографии «Зодчий Сталин. Очерки визуальности» (М., 2007) особое внимание уделяет выбору местоположения этого высотного сооружения. В качестве убедительных доказательств он приводит ряд архивных документов и стенограмм, демонстрирующих, что в случае с выбором местоположения Дворца Советов далеко не все было однозначно. Среди возможных локаций были Болотная площадь, Зарядье, Охотный ряд, Красная площадь, однако они не получили убедительной разработки в архитектурной среде.

По мнению подавляющего большинства исследователей, материалы конкурса на проект Дворца Советов содержали немало интересных авторских идей. Предложения и эксперименты в области формообразования существенно отличались друг от друга, поскольку в конкурсе принимали участие как приверженцы Ренессанса, так и адепты течений и открытий первых десятилетий XX века. Участие зарубежных архитекторов усилило творческое многообразие панорамы конкурса. Как писали А. Журавлев и С. Хан-Магомедов, «на конкурсе столкнулись два различных подхода к архитектурному решению правительственных учреждений – "монумент" в традиционных формах или общедоступный форум с широким использованием современных форм, материалов и конструкций»[4].

3 Генеральный план реконструкции Москвы 1935 года // Памятники архитектуры Москвы. Архитектура Москвы 1933-1941 гг. М., 2015. С. 17.

4 Журавлев А., Хан-Магомедов С. Изменение творческой направленности // Полвека советской архитектуры. М., 1967. С. 25.

Впрочем, победителем конкурса стал представитель ни того, ни другого направления. Конкурс выиграл архитектор Б. Иофан. Его выдержанный в духе ар деко проект отмечен подчеркнутой монументальностью; хотя нельзя не отметить двойственность этого решения, сочетавшего номенклатурную элитарность и стремление к общественной открытости в организации интерьеров.

Не только проектирование Дворца Советов, но и многие другие конкурсы на проекты общественных зданий проводились в период 1930-х – начала 1940-х годов. Как писал Л. Лисицкий, «каждый наш большой архитектурный конкурс – этап на пути рождения новой советский архитектуры»[5]. Во многих состязаниях (например, Дома Радио или Ленинского комвуза) побеждали проекты многоэтажных сооружений. В других случаях (конкурсы на Дом Наркомтяжпрома или Второго дома СНК) фантазийные высотные композиции ознаменовались яркими творческими находками и открытиями. Судя по количеству конкурсов и планировавшемуся территориальному охвату, высотные акценты должны были наполнить собою значительное пространство столицы – от Ленинских гор до Миусской площади.

Ни одному из этих проектов так и не суждено было быть претворенным в жизнь. Однако прямым следствием этого творческого искательства стала система высотных зданий в Москве.

Изучение издания «Высотные здания в Москве. Проекты. В 9 тетрадях» (М., 1951), на страницах которого были впервые официально опубликованы проекты высотных зданий, дало для разработки диссертантом избранной темы много полезного. Забегая вперед, отметим, что в данном исследовании была проанализирована трансформация высотных зданий в систему сооружений, наделенных приемами ансамблевого взаимодействия.

В связи с ансамблем высотных зданий Москвы 1940-1950-х годов советские и современные исследователи задаются большим количеством вопросов: насколько грамотно было выбрано их местоположение, насколько удачно были разработаны композиции сооружений, убедительно ли решены в высотных

5 Лисицкий Л. Форум социалистической Москвы // Архитектура СССР. 1934. № 10. С. 4.

объектах проблемы стиля.

Ответы на эти и многие другие вопросы разнородны, да и в целом отношение исследователей к московскому высотному ансамблю далеко не однозначно. А. Иконников утверждал, что идея возродить живописную силуэтность Москвы в данном случае получила успешное воплощение[6]. Е. Борисова, напротив, негативно оценила эти здания, считая, что своими масштабами они «убивают» традиционную московскую застройку[7].

Заметим, что ощущение высотности этих зданий возникает не столько из-за их реальных размеров, сколько из-за выбора позиций в холмистом и объемном рельефе Москвы. Нельзя не признать тот факт, что и в советские годы, и сегодня облик Москвы и ее ландшафт уже не мыслятся без этих доминант. Конечно, их композиционные и планировочные решения во многих случаях были далеко не идеальными. Но согласимся с мнением А. Журавлева и С. Хан-Магомедова[8], считавшими, что силуэт Москвы отныне неразрывно связан с этими высотными зданиями.

Научная новизна исследования

В диссертации впервые:

• проведено разностороннее комплексное исследование проблематики высотного проектирования и строительства в Москве в 1930-1950-е годы;

• в контекст истории отечественной архитектуры первых десятилетий Советской власти введен значительный корпус историко-художественных материалов, посвященных архитектурному проектированию в этот период;

• определены основные тенденции и идейно-художественные особенности архитектурных конкурсов 1930-х годов;

• обозначена и исследована типология высотных зданий Москвы 1940-1950-х годов в композиционно-пластическом аспекте;

• в научный оборот введены новые сведения о проектировании и строительстве МГУ в 1940-1950-е годы.

6 Иконников А. В. Указ.соч. С. 44.

7 Борисова Е. Памятники архитектуры и современный город // Вопросы советского изобразительного искусства и архитектуры. М., 1973. С. 154.

8 Журавлев А., Хан-Магомедов С. В поисках художественного образа // Полвека советской архитектуры М., 1967. С. 41.

Основные положения, выносимые на защиту:

• высотное проектирование и строительство в Москве в 1930-1950-е годы стало важной вехой в теоретических исканиях и практической работе архитекторов, связанных с поиском образа, масштаба и пространственной композиции столицы;

• этапами, способствовавшими развитию отечественной архитектурной мысли в области высотного строительства, в эти десятилетия стали: разработки Генерального плана реконструкции Москвы, архитектурные конкурсы проектов Дворца Советов, Дома Радио, Дома Наркомтяжпрома и других, последовавшие за ними проектирование и строительство ансамбля высотных зданий 1940-1950-х годов;

• высотные здания существенно расширили пространство исторического центра Москвы и вместе с тем по-новому акцентировали ее радиально-кольцевую структуру;

• высотное проектирование и строительство способствовали во многих случаях изменению баланса между традиционной исторической застройкой столицы и новыми градостроительными решениями.

Объект исследования – высотное проектирование и строительство в Москве в 1930-1950-е годы как значимая составляющая истории отечественной архитектуры.

Предмет исследования – архитектурные конкурсы 1930-х годов (проекты Дворца Советов, Дома Радио, Ленинского коммунистического вуза, Дома Наркомтяжпрома и Второго дома СНК СССР в Зарядье) и высотные здания Москвы 1940-1950-х годов – их художественные особенности и место в архитектурно-планировочной структуре столицы.

Цель работы – комплексное научное исследование архитектурно-художественного процесса высотного строительства в Москве в 1930-1950-е годы. Особое внимание уделяется при этом анализу соотношения высотных и малоэтажных массивов, функциональному зонированию и выбору местоположений новых доминант – ансамбля высотных зданий Москвы 1940-

1950-х годов.

Новый взгляд на развитие высотного строительства в Москве в указанный период потребовал решения ряда исследовательских **задач**: выявления исторических, художественных и социальных факторов, оказавших влияние на развитие высотного строительства в Москве в 1930-1950-е годы; анализа особо значимых конкурсных историй и реализованных проектов, иллюстрирующих эволюцию высотных сооружений в столице; изучения архивных материалов, имеющих отношение к определению мест строительства высотных объектов; обозначения типологии высотных зданий в композиционно-пластическом аспекте; характеристики архитектурно-художественных и градостроительных особенностей ансамбля высотных зданий Москвы 1940-1950-х годов. Помимо этого, автор ставит задачи уточнения хронологии, имен и событий, связанных с развитием высотного строительства в Москве в первой половине XX века.

Хронологические рамки исследования

Хотя в заглавии диссертации зафиксирован период 1930-1950-х годов как преобладающий временной диапазон исследования, было бы принципиально неверно обойти возникновение концепций и реальные примеры высотного проектирования в предшествующее десятилетие. В конечном счете, автор затрагивает некоторые явления в градостроительстве Москвы в период с 1920-х по 1950-е годы. Многое свидетельствует, что проекты и идеи, касавшиеся возведения высотных зданий и их местоположения в пространстве Москвы, возникали не в одночасье. Это была совокупность долгих творческих поисков, идей, проектов, решений.

Источниками исследования являются художественные, литературные и документальные материалы. В первую группу входят проекты и реализованные высотные сооружения. Диссертант провел значительную работу по классификации конкурсных проектов Дворца Советов, Дома Радио, Ленинского комвуза, Дома Наркомтяжпрома и Второго дома СНК СССР в Зарядье, анализируя как хрестоматийные, так практически не публиковавшиеся архитектурные разработки.

Вторую группу составляют труды по истории высотного проектирования и строительства в Москве в 1930-1950-е годы, монографии о творчестве архитекторов, их мемуары, а также каталоги архитектурных выставок и материалы из фондов Российской государственной библиотеки, Центральной научно-технической библиотеки по строительству и архитектуре, библиотеки Государственного музея архитектуры имени А. В. Щусева.

Третью группу образуют записи интервью и бесед диссертанта с участниками строительства высотных зданий и их потомками (архитекторами, инженерами, скульпторами). Сюда относится, в частности, интервью со скульптором Н. Никогосяном, который участвовал в создании декора фасада высотного дома на площади Восстания. Проблемы статуарности и динамизма, роль пластических акцентов в пространстве высотного сооружения предстают в этих беседах в новом ракурсе.

Визуальный ряд исследования дополняют иллюстративные материалы, раскрывающие малоизвестные аспекты градостроительной политики 1920-1930-х годов, конкурсного проектирования 1930-1940-х годов, а также проектирования и строительства ансамбля высотных зданий Москвы 1940-1950-х годов.

Немалую сложность для исследователей представляет непонятное сокрытие вплоть до наших дней документов, регулировавших процессы проектирования и строительства высотных зданий. Ныне опубликованы только Постановления Совета Министров СССР «О строительстве в г. Москве многоэтажных зданий» от 13 января 1947 года и «О строительстве нового здания для Московского государственного университета» от 15 марта 1948 года. Другие документы, в которых было бы обосновано авторство архитекторов или местоположение зданий, остаются малодоступными для исследователей.

Методология исследования

В основе диссертации – метод историко-художественного анализа, принятый в отечественном искусствознании. Для характеристики некоторых градостроительных тенденций и пространственно-пластических ходов также использовались возможности сравнительного анализа. Это позволило проводить

параллели и выявлять контрасты между проектными предложениями и решениями архитекторов, имевшими отношение к разработкам Генерального плана реконструкции Москвы, проектам Дворца Советов, Дома Радио, Дома Наркомтяжпрома и другим конкурсным предложениям и ансамблю высотных зданий, возникшему в послевоенное десятилетие.

Теоретическая значимость работы заключается в многостороннем анализе этапов и направлений проектирования и реализации высотного строительства в Москве в 1920-1950-е годы как градостроительного процесса. Пристально и многогранно рассматриваются творческие поиски архитекторов 1920-1930-х годов, в которых доминирующую роль играли высотные пространственно-пластические решения. Поэтапно в аспекте творческих схождений и размежеваний рассматриваются архитектурные конкурсы 1930-1940-х годов и строительство ансамбля высотных зданий Москвы.

Практическая значимость

Данное исследование призвано расширить представление о градостроительных процессах, в частности, о развитии высотного проектирования и строительства в Москве в 1930-1950-е годы. Материалы диссертации могут быть применены в научном и образовательном процессах – написании статей и монографий, подготовке учебных курсов, посвященных отечественной архитектуре 1920-1950-х годов, а также разработке экскурсионных маршрутов по Москве.

Апробация исследования

Основные положения диссертации изложены в восьми публикациях: в специализированных журналах из списка ВАК («Дом Бурганова. Пространство культуры», «Вестник славянских культур»), сборниках «Art and Literature Scientific and Analytical Journal "Texts"», электронном журнале «Искусство Евразии», издании «Объединение Московских скульпторов», сборнике научных трудов «Особенности архитектуры и конструирования высотных зданий. Материалы IV Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых архитектурных специальностей».

По теме диссертации и смежной с ней проблематике было сделано шесть докладов на научных конференциях: в Российской академии художеств, МГАХИ им. В. И. Сурикова, Государственном институте искусствознания, Государственной академии славянской культуры, Доме-музее скульптора Германа Брахерта (г. Светлогорск, Калининградская область).

Структура работы определяется целью и задачами исследования и включает в себя введение, три главы, заключение, библиографию, а также иллюстративное приложение.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во *введении* обосновывается выбор темы диссертации, ее актуальность и степень изученности на данный момент, формируются цели и задачи исследования, определяются хронологические рамки, методология и структура диссертации, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Поиски высотных доминант в пространственной структуре Москвы в архитектурных разработках 1920-1930-х годов»** обозначается хронология развития и творческий смысл градостроительной темы в первые десятилетия советской власти.

Генеральный план реконструкции Москвы 1935 года, ставший официальной государственной градостроительной стратегией, имел три предтечи.

В 1918 году Б. Сакулиным была разработана «Схема экономическо-технической организации территории большого города» – первый подобный градостроительный план в период советской власти. Основным его тезисом стало сохранение исторически сложившегося облика Москвы, ее радиально-кольцевой структуры, единоличным центром которой был Кремль.

Существенное внимание в диссертации уделяется деятельности комиссии «Новая Москва» (1918-1923 гг.), участники которой единодушно выступали за сохранение традиционного облика столицы.

В числе новых градостроительных решений представляет интерес план инженера С. Шестакова «Большая Москва» (1921-1925 гг.), который, не будучи логичным продолжением творческих идей «Новой Москвы», по существу отвечал принципам сохранения облика столицы, ее исторически сложившейся структуры.

Автор диссертации приводит ряд фактов, доказывающих, что разработка Генерального плана реконструкции Москвы вызвала широкий общественный резонанс. Как свидетельствуют выступления зодчих в печати и на различных творческих встречах, велись дискуссии о социалистическом расселении, зонировании; разрабатывались интересные градостроительные проекты с участием отечественных и зарубежных зодчих и инженеров. Эта активность отчасти нашла отражение в некоторых положениях Генерального плана

реконструкции Москвы 1935 года.

В первом разделе первой главы *«Проблемы сохранности исторического облика столицы»* анализируются проекты генпланов и предложения зодчих с точки зрения их отношения к традиционному облику Москвы, вопросу сохранения исторического ядра и памятников архитектуры, строительству новых сооружений в пределах центра города и проектирования новых районов в комплексе столицы.

Характерно, что если многие советские зодчие выступали за сохранение уже сложившегося облика Москвы, то партийные руководители придерживались кардинально противоположной позиции. Они руководствовались не художественными соображениями, а грубыми идеологическими подходами, поскольку архитектурное наследие в их глазах было неразрывно связано с царским режимом.

До сих пор вызывают дискуссии и градостроительные проекты, отличавшиеся явным радикализмом. В частности, Ле Корбюзье по сути предлагал создать новый город с сохранением единичных объектов культуры. Одним из его предложений было изменить кольцевую структуру города на прямоугольную. Жертвами этой операции могли стать памятники, которые закономерно воспринимались как национальное достояние. Знакомство с архивными документами убеждает, что ряд московских зодчих был солидарен с предложениями Ле Корбюзье. Например, архитектор К. Джус-Даниленко также выступал за кардинальную перестройку исторического центра столицы.

Еще раз напомним: начало 1930-х годов было ознаменовано варварскими уничтожениями московских церквей и монастырей, долгое время составлявших исторический облик города.

Во втором разделе первой главы *«Вопросы децентрализации и расширения границ Москвы»* рассматриваются проектные предложения по созданию новых административных и общественных зон с целью функционально разгрузить исторический центр. В них демонстрировалось стремление создавать и развивать новые районы в пределах Москвы и за чертой города.

Автор диссертации анализирует идею зональности, которую развивали архитекторы – Ле Корбюзье, В. Кратюк, А. Власов, Н. Поляков и другие. Они предлагали создать на всей территории столицы разграниченные между собой зоны жилья, отдыха, общественные центры, места сосредоточения промышленности. Москва, по их замыслу, должна была стать сочетанием районов с отличными друг от друга функциями. Новую систему развития города предлагал и Н. Ладовский, чей проект «параболы» по сей день вызывает особый интерес. Он пытался построить систему трехмерного развития города – по вертикали, горизонтали и в длину. Горизонтальное ориентирование сохранялось в старом центре, «музейной» части Москвы. Вертикализация должна была поглотить вновь строящиеся районы и новые территории. Последний геометрический параметр – длина – также относился к территориальным особенностям города, о чем говорило дальновидное предсказание архитектора будущего роста Москвы, расширения ее границ и территорий и увеличения численности населения.

В третьем разделе первой главы *«Варианты соотнесения высотных и малоэтажных архитектурно-пространственных композиций»* продолжается анализ проектных предложений архитекторов, которые раскрывают отношение зодчих к высотному строительству.

Вопрос о высотном и малоэтажном строительстве разделил советских зодчих на два лагеря. Первые ратовали за тотальное обогащение силуэта Москвы высотными сооружениями во всех районах, вторые предлагали застраивать многоэтажными зданиями лишь неосвоенные районы с целью сохранить уже существующий облик столицы и силуэт ее исторического ядра.

А. Щусев и И. Жолтовский тяготели к последним. Не отрекаясь от набиравшей обороты «высотной» тенденции, руководители «Новой Москвы» предлагали аккуратно сочетать мало- и многоэтажные объемы. Они настаивали на сохранении исторического центра Москвы практически без нового «высотного» вмешательства, ограничивали высотность вновь строившихся сооружений с целью подчеркнуть роль ансамбля Кремля.

Дискуссии о горизонтальном и вертикальном ориентировании Москвы

велись в том числе в рамках так называемого «социалистического расселения», когда одним из насущных вопросов стало удовлетворение проблемы жилья в связи с многократным увеличением численности городского населения. В этом контексте диссертант анализирует дебаты Л. Сабсовича – сторонника массового высотного строительства в черте города, и М. Охитовича, который видел плодотворную тенденцию в развитии малоэтажной застройки. В контексте массовой индустриализации конца 1920-х – начала 1930-х годов более актуальными представляются сегодня идеи Л. Сабсовича.

Архитектор Н. Ладовский предлагал решать вопрос с высотностью в каждом конкретном случае по-разному в соответствии с функциональным назначением того или иного сооружения. Он выступал за контрастное сочетание разных типов зданий, одновременно – за рациональное соотношение Москвы «исторической и социалистической», старой и новой, малоэтажной и высотной.

В четвертом разделе первой главы *«Проблема озеленения пространства Москвы»* рассматривается место в градостроительных проектах архитекторов вопроса озеленения столицы.

Многие архитекторы обнаруживали в своих планах реконструкции Москвы тяготение к созданию города-сада. Архитектор А. Щусев делал акцент на тотальном озеленении Москвы. Инженер С. Шестаков выступал за создание «зеленого кольца» вокруг города, а в пределах городских границ предлагал создать еще четыре зеленых сектора между районами. М. Гинзбург и М. Барщ в экспериментальном проекте «Зеленого города» предлагали превратить Москву в глобальный зеленый курорт, где нет места производству и промышленным зонам. Это должно было способствовать максимальному сближению человека и природы.

Стремление осуществить идею города-сада, к сожалению многих, так и осталось нереализованным. Но некоторые элементы концепции зеленого города нашли свое отражение и в Генеральном плане реконструкции Москвы 1935 года, и в послевоенном строительстве. Например, в непосредственной близости от зеленых насаждений и рек были спроектированы некоторые высотные здания – на

Дорогомиловской и Котельнической набережных, на Воробьевых горах, на Кудринской площади.

В пятом разделе первой главы *«Генеральный план реконструкции Москвы 1935 года»* диссертант анализирует положения этого документа: вопросы сохранения исторического центра, строительства высотных сооружений как в центре, так и в еще неосвоенных районах.

Основным принципом Генерального плана реконструкции Москвы 1935 года было комплексное создание нового облика столицы, в рамках которого обращалось внимание на сохранение радиально-кольцевой структуры города, а также многофункциональность и утилитарность построек на определенных территориальных участках. Генплан предусматривал отказ от строительства 1-2-этажных домов в пользу 7-10-14-этажных сооружений.

Вторая глава **«Проектирование высотных общественных зданий и развитие высотного строительства в Москве. Опыт конкурсов»** открывается разделом *«Проблема высотных доминант в пространстве Москвы»*. В нем обозначается роль архитектурных конкурсов 1930-х годов в развитии высотного проектирования и строительства в до- и послевоенный периоды.

Во втором разделе второй главы *«Эволюция идеи высотности в конкурсе проектов Дворца Советов»* диссертант классифицирует проектные предложения, представленные в четырех конкурсных турах, с точки зрения пространственного мышления и тяготения к высотности.

В поисках образа Дворца Советов большинство архитекторов заботила проблема соотносимости вертикали и горизонтали. Многие участники конкурса видели в качестве Дворца Советов массивное высотное сооружение.

Автор классифицирует проекты с точки зрения их градостроительной роли в ансамбле Москвы. Предложения архитекторов можно разделить на две группы – тех, кто пытался связать Дворец Советов с историческим центром столицы, и тех, кто не хотел считаться с тем, что помимо разработки объемно-пространственной композиции сооружения необходимо было обратить внимание и на его градостроительную роль. Диссертант особо рассматривает путь Б.

Иофана – победителя конкурса – в творческих исканиях будущего Дворца Советов, его удачи и противоречия.

В подразделе *«Постконкурсная разработка проекта Дворца Советов»* анализируются работы над проектом Дворца Советов, разработка близлежащей территории и ведущих к сооружению магистралей и проспектов. Приводятся выступления мастеров на V Пленуме правления Союза советских архитекторов СССР 1939 года, который был посвящен проблемам проектирования и строительства Дворца Советов. Велись дискуссии о градостроительной роли этого грандиозного сооружения. Л. Руднев считал, что при проектировании городских площадей и улиц необходимо учитывать силуэт Дворца Советов как центральную составную часть ансамбля. В соответствии с этим необходимо пересмотреть все точки, откуда будет виден Дворец; для всех этих точек пересмотреть этажность зданий, их общую архитектуру. Архитектор перечислил все эти точки – Воробьевы горы, набережные Москвы-реки, Комсомольская площадь и другие. На многих из них впоследствии проектировались высотные здания.

В третьем разделе второй главы *«Градостроительные особенности конкурсных проектов Наркомтяжпрома и Второго дома СНК»* анализируются проекты двух сооружений, которые предполагалось построить в историческом центре Москвы – на Красной площади и в Зарядье. Значительная часть проектов представляла собою высотные сооружения; однако в данном случае поиски органичной связи между новыми сооружениями и близлежащими историческими памятниками не получили убедительного обоснования.

В четвертом разделе второй главы *«Проблема высотности в конкурсных проектах Дома Радио и Ленинского Коммунистического вуза»* рассматриваются малоизученные конкурсные истории 1930-х годов. Дом Радио планировался к строительству на Миусской площади; комплекс Ленинского комвуза – на Воробьевых горах. В обоих конкурсах победили примеры высотного строительства. Диссертант анализирует гипотетическую роль сооружений в пространстве города и их связь с центром Москвы.

Любопытен финальный вариант Ленинского Коммунистического вуза,

предложенный А. Власовым, – высотное многоярусное сооружение башенного типа, призванное быть поддерживающим Дворец Советов высотным градостроительным объектом. Уникальными декоративными и пластическими чертами Ленинского комвуза являлось использование парадной колоннады и широкой лестницы, ведущей к главному входу. Любопытно, что А. Власов вводил в композицию большое количество скульптуры, которая должна была быть установлена на каждом из четырех ярусов основного башенного объема, а также на боковых корпусах. Архитектором подразумевалось совмещение основных культурных, учебных и подсобных помещений в одном высотном сооружении. Некоторые заимствованные архитектурно-художественные фрагменты Дворца Советов подтверждали стремление архитектора связать центральный и юго-западный районы города.

Третья глава **«Высотные здания Москвы 1940-1950-х годов. Художественные концепции и градостроительные решения»** начинается с раздела *«Послевоенное восстановление советских городов»*.

Великая Отечественная война изменила ритм и характер жизни, внесла неумолимые правки в существующий уклад всех сфер деятельности, науки, изобразительного искусства и архитектуры. Проблема восстановления городов, а также воссоздания памятников архитектуры воспринималась советскими архитекторами как одна из главных уже с середины 1944 года, когда начинали вырисовываться контуры Победы.

1 ноября 1945 года было принято Постановление СНК СССР «О неотложных мероприятиях по восстановлению 15 старейших русских городов, разрушенных гитлеровскими захватчиками». Рассматривая проекты восстановления нескольких советских городов, диссертант отмечает, что доминантой центрального городского ансамбля отныне не раз оказывалось монументальное, высотное и, как правило, живописное репрезентативное сооружение, которое должно было формировать архитектурную композицию всего города. Зачастую такими доминантами были здания общественного характера.

Во втором разделе третьей главы *«Ансамбль высотных зданий Москвы»* демонстрируется, что стремления архитекторов выразить победные настроения приобретали разные масштабы и формы — от разработки единичных сооружений мемориального или триумфального характера до создания ансамблевых высотных решений.

Несмотря на то что Постановление о начале проектирования многоэтажных домов в Москве было принято в самом начале 1947 года, не стоит думать, что эта идея появилась только после войны. Напомним, что первые конкретные предложения обогатить силуэт Москвы высотными сооружениями появились еще в 1930-е годы и в процессе проектирования Дворца Советов, и в ряде других архитектурных конкурсов.

Отныне эта высотная ориентация приобрела другой вектор. Если до 1941 года возможные высотные сооружения планировались как необходимое, обязательное, но все же дополнение к Дворцу Советов, то в послевоенные годы они мыслились как самостоятельные сооружения, много определяющие в пространстве Москвы.

В третьем разделе третьей главы *«Определение мест строительства высотных зданий»* диссертант анализирует выбранные для строительства высотных сооружений участки, их градостроительные преимущества и недостатки. Особое внимание автор исследования уделяет исторической преемственности в этом выборе: бóльшая их часть занимала значительное место в летописях Москвы (например, Воробьевы горы, Земляной вал, башня-каланча на месте нынешней гостиницы «Ленинградской»). Рождение нового силуэта Москвы часто происходило благодаря сочетанию высотных доминант и живописного холмистого ландшафта Москвы, будь то пересечения кольцевых и радиальных направлений, возвышенности, набережные.

Любопытна история проектирования комплекса МГУ. Первоначальное предложение Б. Иофана разместить главное здание на бровке Воробьевых гор заключало в себе, на первый взгляд, немало перспективного. Буквально вырываясь в сторону центра и практически паря над набережной, высотное

здание на этой точке должно было стать запоминающимся акцентом. По мнению некоторых исследователей, своеобразный силуэт старой Москвы строился на контрасте основного жилого массива города и вертикалей, располагавшихся по изгибам Москвы-реки и по возвышенным холмам города. В этом отношении проект Б. Иофана вполне вписывался в традицию.

Высотные здания являются флагманами того или иного района, его определяющими градостроительными факторами. В некоторых случаях они как бы окаймляют территорию исторического центра Москвы и в то же время служат связующими звеньями между традиционной, уже существовавшей застройкой и будущей – в новых, еще только развивавшихся районах.

В четвертом разделе третьей главы *«Проекты высотных сооружений и их реализация»* диссертант сравнивает проектные предложения авторов высотных зданий с реализованными сооружениями.

Автор размышляет о классификации высотных зданий. По пластическому принципу можно выделить три типа сооружений – башенный, башенно-замковый и башенно-пирамидальный.

Башенный тип примечателен рельефным выделением центрального башенного массива сооружения и отказом от малоэтажных боковых корпусов как некоего необязательного дополнения (гостиница «Ленинградская» и проект административного здания в Зарядье).

Башенно-замковое построение ориентировано на развитый композиционный ход и активный разворот в пространстве. Таковы здание у Красных ворот, гостиница «Украина», жилой дом на Котельнической набережной и главное здание МГУ.

Башенно-пирамидальный тип композиции воплощен в зданиях на Смоленской и Кудринской площадях. Несмотря на то что сооружения в своей основе имеют общий планировочный принцип – боковые корпуса симметричны по отношению к центру – в рамках городского ансамбля они по-своему соотносятся с исторической застройкой: здание на Кудринской площади вписывается в городской ландшафт более закономерно, чем здание МИДа. По

мнению многих исследователей, недостатком пространственной композиции высотного здания Министерства иностранных дел является его искусственная «втиснутость» в насыщенную застройку комплекса Смоленской площади и Арбатских переулков. Между тем, этому сооружению нужны широта и простор. Ощущается обособленная автономия здания: оно воспринимается среди миниатюрных арбатских переулков как искусственно вставленный архитектурный макет.

Пятый раздел третьей главы – *«Стилистическая интерпретация отечественного и зарубежного опыта в возведении высотных зданий Москвы»*. Проблема стиля не является предметом данного исследования. В нем обращается внимание лишь на некоторые стилистические особенности высотных сооружений 1940-1950-х годов. Подчеркивается, что комплекс высотных зданий не связан с каким-либо одним архитектурным направлением. Эта интерпретация русского и зарубежного архитектурно-художественного опыта разных лет имеет свои резоны и противоречия.

Свойственный архитектуре сталинской эпохи эклектический ретроспективизм, иногда не лишенный национальных акцентов, порой вмещает в себя ссылку на образцы Средневекового зодчества и опыт американских архитекторов начала XX века. Некоторые идеи такого рода, как известно, появились в нашей архитектурной среде уже во время архитектурных конкурсов 1930-х годов, в частности, в проектах здания Дворца Советов. Как показало время, московские высотные сооружения – это крупная акция советской архитектуры, во многом изменившая масштаб и облик столицы.

В шестом разделе третьей главы – *«Влияние ансамбля высотных зданий на московскую архитектуру 1950-х годов»* – анализируются проектные предложения по застройке ряда московских магистралей, разработанные в начале и середине 1950-х годов. На волне строительства ансамбля высотных зданий и вызванного им широкого общественного резонанса многие архитекторы использовали некоторые композиционные приемы, характерные для семи высотных зданий. Автор диссертации анализирует их преимущества и недостатки на примере проектов

застройки Дмитровского, Ярославского, Ленинградского шоссе и других магистралей. Любопытно в этом контексте мнение архитектора П. Абросимова, считавшего, что увлеченное подражание хорошим образцам может порой привести к штампам.

Заключение

Эволюция московского высотного строительства рассматривалась в диссертации в контексте развития градостроительных разработок 1920-1930-х годов, некоторых положений Генерального плана реконструкции Москвы 1935 года, в рамках крупных архитектурных конкурсов 1930-1940-х годов и, наконец, вместе с проектированием и строительством ансамбля высотных зданий Москвы 1940-1950-х годов, ставшего кульминационной вехой высотного строительства в столице. Система этих сооружений существенно изменила архитектурно-пространственную композицию Москвы, обозначив переход от одной доминанты в пользу ансамбля.

В диссертации была обозначена типология высотных зданий в архитектурно-художественном и композиционно-пластическом аспектах. Выявлены три типа сооружений: *башенный* (гостиница «Ленинградская» и проект административного здания в Зарядье); *башенно-замковый* (здание у Красных ворот, гостиница «Украина», жилой дом на Котельнической набережной и главное здание МГУ); *башенно-пирамидальный* (административное здание на Смоленской площади и жилой дом на Кудринской площади). Отмечено влияние высотного ансамбля на московскую застройку 1950-х годов. Сегодня в XXI веке ансамбль высотных зданий играет существенную градостроительную роль, оставаясь выразительной приметой архитектурного пейзажа Москвы и одним из ее символов.

III. ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Научные статьи, опубликованные в рецензируемых журналах:

1. Тугаринова, С. Д. Дворец Советов – архитектурные конкурсы 1930-х годов / С. Д. Тугаринова // Вестник славянских культур. – 2016. – № 3. – С. 177-186. (0,8 п.л.)
2. Тугаринова, С. Д. Пространственная планировка Москвы и поиски высотных доминант в архитектурных дискуссиях 1920–1930-х годов / С. Д. Тугаринова // Дом Бурганова. Пространство культуры. – 2016. – № 3. – С. 172-189. (0,9 п.л.)
3. Тугаринова, С. Д. Проектирование Дворца Советов и развитие высотного строительства в Москве в 1940–1950-е годы / С. Д. Тугаринова // Дом Бурганова. Пространство культуры. – 2016. – № 4. – С. 72-92. (0,8 п.л.)

Публикации в других изданиях:

4. Tugarinova, S. D. In search of high-rise centerpiece: The Palace of the Soviets project development in the 1930s / S. D. Tugarinova // Texts. – 2016. – № 2. – pp. 91-104. (0,6 п.л.)
5. Тугаринова, С. Д. Николай Никогосян – свидетель эпохи. Скульптурное оформление высотного здания на Кудринской площади в Москве [Электронный ресурс] / С. Д. Тугаринова // Искусство Евразии. – 2016. – № 2. – Режим доступа : http://eurasia-art.ru/2016/10/12/№3-2016-искусство-евразии/. (0,3 п.л.)
6. Tugarinova, S. D. “Seven sisters” ensemble: high-rise contructions project development in Moscow in the 1940—1950s / S. D. Tugarinova // Texts. – 2016. – № 3. – pp. 25-42. (0,6 п.л.)
7. Тугаринова, С. Д. Дело мастера. К 98-летию Николая Никогосяна. Беседа об ансамбле высотных зданий Москвы / С. Д. Тугаринова // Издание Региональной общественной организации «Объединение московских скульпторов». – 2016. – № 12. – С. 2. (0,3 п.л.)
8. Тугаринова, С. Д. Скульптура высотных зданий Москвы 1940-1950-х годов:

от замысла к воплощению / С. Д. Тугаринова // Особенности архитектуры и конструирования высотных зданий. Материалы IV Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых архитектурных специальностей : сб. науч. трудов. – М. : ИНФРА-М, 2017. – С. 38-45. (0,3 п.л.)

Доклады и сообщения на конференциях:

1. Тугаринова, С. Д. Высотные здания Москвы и триумф Победы // Научно-практическая конференция «Слава и память», МГАХИ имени В.И. Сурикова, Москва, 19 мая 2015 г.
2. Тугаринова, С. Д. Проектирование Дворца Советов и развитие высотного строительства в Москве // I Международные славистические чтения ГАСК «История, культура, религия, современность», Государственная академия славянской культуры, Москва, 14 декабря 2015 г.
3. Тугаринова, С. Д. Высотные здания Москвы 1930-1950-х годов в современной образовательной культуре // Международная научно-практическая конференция «Развлечение и искусство», Государственный институт искусствознания, Москва, 16-18 ноября 2016 г.
4. Тугаринова, С. Д. О синтезе скульптуры и архитектуры на примере ансамбля высотных зданий Москвы // Научно-практическая конференция «Современная скульптура: тенденции, технологии, материалы», Российская академия художеств, Москва, 9 декабря 2016 г.
5. Тугаринова, С. Д. Скульптура высотных зданий Москвы 1940-1950-х годов: от замысла к воплощению // IV Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых архитектурных специальностей «Особенности архитектуры и конструирования высотных зданий», МГАХИ имени В.И. Сурикова, Москва, 2-3 марта 2017 г.
6. Тугаринова, С. Д. Храм Христа Спасителя – Дворец Советов: трансформации высотной доминанты Москвы // Круглый стол «Воссоздание объектов художественной культуры», Дом-музей Германа Брахерта, Светлогорск, Калининградская область, 11 августа 2017 г.